

экономический кризис, поэтому необходимо постоянно изыскивать пути выхода из сложной экономической ситуации. По статистическим данным, в первой половине 2009 года потребительский рынок по-прежнему удовлетворял спрос населения по всем товарным группам, причем большая часть товаров была произведена непосредственно в регионах. Вместе с тем прогнозные задания по темпам розничного товарооборота во всех областях не были выполнены. Основные причины, сдерживающие увеличение товарооборота, - это сокращение производства и низкое качество потребительских товаров, снижение потребительского спроса и, как следствие, увеличение товарных запасов на складах по сравнению с имеющимися в аналогичный период прошлого года во всех регионах, особенно в Гродненской и Минской областях. Задание по привлечению и использованию инвестиций в основной капитал не выполнили Витебская и Могилевская области[2].

Представленные данные позволяют сделать общие выводы и дать предложения по активизации и развитию экономики, в частности, регионов Республики Беларусь.

Для активизации внешнеэкономической деятельности и закрепления на мировых рынках продукции, выпускаемой как в крупных городах, так и в малых и средних поселениях, необходимо углублять сотрудничество с интеграционными объединениями в рамках Союзного государства, активизировать внешнеэкономические связи с соседними государствами. Транспортные, туристические, компьютерные и информационные услуги-перспективные направления развития экспорта, которые должны использоваться достаточно эффективно.

В целях сохранения стабильной ситуации на рынке труда и недопущения роста безработицы необходимо развивать субсидирование рабочих мест, осуществляя частичную компенсацию расходов нанимателей на оплату труда работников; содействовать безработным в развитии предпринимательства; стимулировать переезд трудоспособных граждан в целях трудоустройства в сельскую местность и в регионы с дефицитом рабочей силы.

Необходимо стимулировать предпринимательского сектора к созданию новых производств и развитию уже существующих, расположенных в отдаленных от городов регионах.

Список использованных источников

1. Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006-2010 годы. - Минск : «Беларусь», 2006.
2. Социально-экономическое развитие Республики Беларусь в 1 квартале 2009 года. // Экономический бюллетень Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. – Минск: НИЭИ Минэкономики Респ. Беларусь, 2009.-№5.-С.58-63

УДК 332.012

ПОЛИТЭКОНОМИЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ: НЕСКОЛЬКО ТЕЗИСОВ

П.С. Лемещенко

*УО «Белорусский государственный университет»,
г. Минск, Республика Беларусь*

1. «Инновация» («innovation» - англ.) – нововведение, новшество, новаторство; новое правило, вновь установленный порядок (слов. С.И. Ожегова). На практике стремление к выживанию еще Робинзоном стало достижимым лишь через те нововведения, которые этот

добрый и наивный человек использовал и старался применять в своей далеко не коммерческой, но крайне важной для него самой жизнедеятельности. Например, также деньги, банки, капитал явились теми новыми *социально-экономическими нововедениями*, которые, разрешая известные противоречия, обеспечивали при этом все-таки поступательное развитие техники, технологий, экономических форм, производственных отношений. В теории понятие «инновации» можно найти уже в работах 20-х годов прошлого столетия по развивающемуся в теории и практике менеджменту. Однако акцент здесь делался все-таки на организационном начале, внедрение новшеств в которое без особых затрат также способствовало повышению эффективности как производства, так и достижению чисто коммерческого успеха. Однако в 30-50-е инновационная инициатива уже получает распространение и определенное теоретическое обобщение уже в научно-технической области. Собственно экономическая наука начала активно использовать данное понятие в своем аналитическом обороте где-то в 80-е годы. Причин здесь несколько. Во-первых, остро обнаружилась в изменившихся мировых социально-политических и технико-экономических условиях в очередной раз проблема поиска новых источников и факторов экономического роста. Надо признать, что в силу известных идеологических мотивов, которые всегда присутствовали и присутствуют в экономической науке, более фундаментальная проблема выбора *стратегии, хозяйственных форм и институциональных порядков социально-экономического развития* ограничилась лишь вопросами экономического роста. Пока итоги (теоретические и практические) этой инициативы не очень плодотворны, поскольку произошли незначительные изменения в динамике реального ВВП и почти 60% прироста ВВП (остаток Солоу) никак не объясняется существующими подходами теорий роста. Во-вторых, сказались не только « пороки рынка », но и « пороки государства » и поэтому встал вопрос как, в каких конкретных социально- и политико-экономических *формах* совместить рыночный утилитаризм с цивилизационными ценностями (!) западного общества. Иначе говоря, проявился в очередной раз « порок мышления », заменившего на сей раз действительно фундаментальную проблему человеческого бытия более частной и мелкой. Причем ее решение « подсказывалось » господствующими нормами капитала и частной собственности узкого ее содержания. В-третьих, следовало разрешить возникшее противоречие крупного капитала, имеющего тенденцию к монополизации, к *корпоративному обобществлению*, и малого бизнеса, поддерживая который идеологически, теоретически и финансово « подогревая » естественно затухающую конкуренцию как движущую силу развития. Разрушительные эффекты последней можно было не принимать во внимание из-за своей незначительной величины и масштабов. В-четвертых, неоклассическая теория через понятие « инновации » делает *попытку восстановить* в « экономике » ее технико-технологическую основу, которая в классической политэкономии была представлена через категорию « производительные силы » и соответствующие их элементы, взаимосвязь. Напомним, что именно использованием категорий « производительные силы » и « производственные отношения », другим аналитическим аппаратом политэкономией разрешался вопрос об *источнике, экономических формах и направлении развития*, а также объяснялся его *циклический характер* и ступени перехода от одной общественно-экономической формации к другой. Наконец, в-пятых, уже остро почувствовалась необходимость *целостного, всестороннего, развивающегося и полного* научного отражения крайне противоречивой реальности, в котором бы нашлось место и внеэкономическим условиям и факторам хозяйствования. А усиливавшаяся *научная специализация и приверженность идеологическим канонам* не позволяли это делать, порождая « дефект знания ». Появление разных концепций (конвергенции, диффузии собственности, теории уравнивающей силы государства, государства всеобщего потребления, техноструктуры и пр.) подтверждают, что « мертвые зоны » реальности частично все-таки находили отражение в умах. Ответственность за интеллектуальное

заблуждение, как писал Дж. Бьюкенен, отчасти ложится на раскол старой «политической экономии» на отдельные современные дисциплины. Экономисты до сих пор в большинстве своем стремятся остаться позитивными аналитиками вместо того, чтобы обратиться к нормам, регулирующим человеческое общение.

2. Таким образом, существенные онтологические изменения, происходившие в реальных хозяйственных процессах, а также осмысление гносеологических противоречий, серьезные теоретические наработки в других отраслях знания и междисциплинарные исследования подвели к необходимости формирования новой теории с ее адекватной метапарадигмой и категориальным наполнением, разрешающей «дефект знания». Но из множества накопленных проблем к началу двадцать первого века проблема политико-экономического, социального и технико-технологического развития приобрела особую актуальность. Поэтому взор ученых, практиков обратился к *инноватике*, которая почему-то приобрела смысл универсального средства преодоления возникшей всеобщей мировой стагнации, распространившейся буквально на все страны. Кто только не писал и не пишет сегодня об инновациях... Но если обратиться к хронологии действия и мысли, то можно обнаружить, что современный экономический кризис поразил мир уже после того, как было написана масса книг и было сделано немало политико-экономических решений и заявлений на разных уровнях. Для постсоциалистических стран вообще ситуация с кризисом должна бы быть по крайней мере странной: совершили такую *социальную инновацию и ввели рынок* как универсальное средство эффективного хозяйствования (?..), а в результате оказались втянутыми в глобальное потрясение на всех уровнях отношений. И пока этот, равно как и многие другие острые, но актуальные вопросы остаются без ответа.

3. Следовательно, первым и важнейшим *новаторским шагом*, ведущим к устойчивому развитию на разных уровнях хозяйствования, является критическое *осмысление и позитивная оценка* исследовательских традиций, инвентаризация применяемого категориального аппарата и алгоритма исследования, поиск новых, более эффективных методологических подходов с соответствующим аналитическим инструментарием и определение закономерностей построения не просто многочисленных концепций или программ, а именно непротиворечивой теории. Причем не лишь какой-то частной теории, которых сегодня в силу научной специализации сложилось целое множество, а фундаментальной теории, объединяющей эти локальные ветви знания и *отражающей целостно политико-экономическую* структуру, законы и принципы хозяйствования современной мир-экономики. Ведь то, что сегодня существует – это не что иное, как материализованное знание прошлой теории и действующее экономическое сознание. Нам нравится сложившаяся хозяйственная практика? Вряд ли кого она оставит равнодушной особенно в силу возрастающей неопределенности и хаоса. У. Баумоль, положивший начало новой дискуссии с целью подвести итоги достижения экономической теории за прошлый век, пишет: «... Наибольший научный прогресс по сравнению с началом века можно обнаружить *не в теоретических новациях*, а в развитии эмпирических исследований и применении теоретических концепций к решению конкретных практических проблем» [1, с. 80, 104]. Применительно к нашей теме эвристические возможности неоклассической парадигмы Дж. Стиглицем оцениваются еще более конкретно: «Рыночная экономика, в которой исследования и инновации играют важную роль, недостаточно хорошо описываются стандартной моделью конкуренции» [2, с. 391]. А какие же теории (теория) более или менее внятно и с учетом всех составляющих современного этапа эволюции объясняют процесс политико-экономического и социально-технического развития? Надо признать, что такой теории, которая бы целостно и концептуально хотя бы в первом приближении раскрывала этот процесс развития пока на сегодняшний день нет, о чем мы уже писали [3].

4. Каким-то методологическим ориентиром в решении стратегических задач сегодня служит работа Й.А. Шумпетера «Теория экономического развития», получившая

необычайную популярность в последние два десятка лет. Текущий общий мировой экономический кризис обусловил также неподдельный практический интерес и к трудам К. Маркса, в частности к «Капиталу». Востребованными оказываются в целом и работы по политической экономии, философии экономики, предмет которых как раз-таки и фокусирует внимание на поиске онтологических и гносеологических источниках, условиях, формах и механизмах хозяйственной эволюции, инструментах регулирования деятельности субъектов. Эти научные дисциплины по своей исходной основе дают старт, методологическую основу законов диалектики. Но эти дисциплины опасны своим стремлением к истине, что для социально-экономического бытия не очень то выгодно. Ведь вскрытие истинной природы, например, денег позволит выяснить, кто и чем реально занимается, что производит – истинное богатство или же транзакционные издержки, и обосновать *зарабатываемость* получаемых доходов, оценить реальный статус каждого класса и социальной группы. Однако скажем так, политическая экономия, не взирая на свою живучесть даже в условиях сформированного политико-экономической элитой идеологического вакуума, из-за своей невостребованности мало чего может предложить сегодня в объяснении сложившейся ситуации в мировой экономике и отдельных странах. Забегая вперед, подчеркнем в связи с этим, что крупнейшей *социальной инновацией* середины 20-го века является изменение утилитарной нормы поведения, оформленной «Теорией нравственных чувств» и «Богатством народа» А. Смита. *Сложная норма поведения*, на основе которой развивался производительный капитал как явление и как хозяйственная форма, заменяется доминирующей спекулятивной нормой. Капитал из производительного феномена постепенно превратился в спекулянта и это было принято на уровне формальных институтов и неформальных отношений. И, скорее всего, самую заметную роль здесь сыграла известная работа Кейнса, распространение идей которой выстраивало соответствующие для реализации спекулятивных целей институты, а общество впитывала это в сознание как моральную норму. По ней оценивали успех или его неудачи, иначе стал оцениваться бизнес. На рынке труда также не мастерство стало критерием как зрелости, так и оплаты труда, что долгие годы формировало развитие профессиональных навыков, а умение делать деньги из денег. Постепенно производительность труда перестала выступать критерием эффективности производства. Категория же *воспроизводства* вообще выпала из научного оборота, которая бы ориентировала на целостное и комплексное развитие, включающее достижения науки и ее освоение социально-производственным комплексом. Как пишет нобелевский лауреат по экономике за 2008 г. П. Кругман, начинаешь ощущать, что «словно отменили закон всемирного тяготения. Ловкие юнцы – только что из колледжа – в одночасье становятся мультимиллионерами. Компании, о которых никто и не слыхивал, вдруг оказываются стоящими 20 миллиардов и использовали свои раздутые до небес акции, чтобы захватить старые надежные предприятия» [4, с. 55].

5. Анализ литературы по инновациям обнаруживает, во-первых, то, что инновационная тематика очень мозаична. При всей важности поднимаемых и решаемых в работах разного рода работах эти темы не имеют общего теоретического фундамента. Такая ситуация не позволяет выстроить *единую* целостную технологичную картину и, следовательно, программу инновационной политики. А разнородные новации могут противоречить друг другу не создавая соответствующих сопряженных технико-экономических и социальных эффектов зависимости. Хороший современный дом нельзя построить без проекта в целом и хорошего в частности. Например, если у вас нет компьютера или он один, то для вас безразличны и соответствующие программы. Во-вторых, люди интеллектуально, организационно, психологически и пр. также могут быть не готовы, чтобы использовать эффективно в своем производственном процессе эти же компьютерные технологии. «Специализированный идиотизм» (П. Друкер), существующий в науке и, следовательно, в практике разрушил образовательную культуру буквально во всех человеческих сферах.

Широко эрудированный человек сегодня выглядит как анахронизм или дилетант. Есть узкие специалисты по рынку денег, металла, нефти и пр., но действительно образованный человек по «рынку в целом», политике, социальным действиям, культуре, эволюции, в конечном счете, человеческих форм общения сегодня является крайне редкой породой. В-третьих, нет и книг (почти нет) эту тему. Они, как бы парадоксально это ни выглядело, не востребованы тем же рынком. Востребованы мелкие коммерческие проекты и разработки. Этим объясняется внимание к нанотехнологиям.

б. Вообще современное общество выстроило удивительную систему: степень фундаментальности осваиваемых наукой проблем обратно пропорциональна уровню денежного успеха носителей приращенного знания. Подтверждением этому тезису может быть не только размер доходов ученых и сопутствующих профессий, но и конкурсы в вузы на получение соответствующих профессий. Удивительно и то, что сегодня США еще развивается не благодаря своей системе образования, а благодаря инерции людей из развивающихся стран к знанию и образованию. Кто же кому помогает и какая социальная система более прогрессивная? Поэтому, в-четвертых, сложилось острое противоречие между духом наживы (вспомним работу М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма») и духом человеческого бытия в широком смысле слова, смыслом жизни. Иначе говоря, «тело» экономики явно не в ладах с «головой», духовно-психологическим состоянием и выполняемыми функциями организма или системы. Это то, что можно назвать «порядком из хаоса». Последнее, т.е. хаос – это порядок, это то равновесие, описываемое, пожалуй, экономистами. Но благодаря этому хаотичному порядку и извлекаются уже не просто предпринимательские доходы, а доходы рентные, распределяемые и перераспределяемые через манипуляцию сознанием.

К тому же сам рынок как совокупность взаимосвязанных между собой формальных норм и неформальных правил сегодня требует огромных затрат. Эти затраты называются транзакционными издержками. Но парадокс в том, что эти затраты финансируются за счет всего общества, а передаются в совершенно разных формах бизнесу, который осуществляя свой эгоистический интерес, уже приватизирует как частные доходы. Таким образом, именно здесь тоже можно обнаружить немало «социально-экономических инициатив», т.е. новаций, выражаясь «инновационной терминологией», позволяющих осуществлять «спекулятивную экономику». В-пятых, научная специализация, утрата наукой эвристическо-прогнозной функции, разобщенность рынков и доминирующее влияние спекулятивной нормы поведения хозяйствующими субъектами, поддерживаемые официальными институтами, создали ситуацию неопределенности, обострив эту проблему до хаоса. В свою очередь ситуация неопределенности делает непредсказуемыми как научные результаты, так и еще в большей степени делает крайне рискованным предприятием процесс внедрения и использования разного рода новинок, технических разработок.

Но рост риска, в общем-то, не означает, что творческая новинка, иницируемая создателем, менеджером или инженером не нужна для общества в целом. По сути, почти любое изобретение не лишено смысла и общественной пользы. Риск заключается только в том, что минимально финансируемая для осуществления какой-то идеи или замысла денежная сумма может не принести дохода. И в этом заключается еще одно глубокое противоречие науки, техники, организации производства и коммерческого начала. К сожалению, разрешается это противоречие крайне сложно, если не сказать даже трагично. И разрешается оно не в пользу инициативных и творческих людей. То, что это так, свидетельствует крайне ничтожная доля этих творческих людей, которые не благодаря, а вопреки существующей системе оценки труда и деятельности, осуществляют свои изыскания. Поэтому некоторые страны или крупные фирмы, понимая данное противоречие, создают свои адекватные стимулы, поддерживающие и иницирующие научно-технические новшества. Ведь система образования построена на стандартах, стандартах денег и капитала,

которые лежат в основе серийно-конвейерного производства. Мораль как неформальная институция также не очень благосклонна к *иным* проявлениям человеческих отношений на любом уровне. Моральные нормы в целом всегда консервативны. Вспомним хотя бы феодально-патриархальные повинности, отношения той же частной собственности, которые никак не способствовали буржуазно-демократическим и капиталистическим нормам поведения и общения, формированию частной норм отношений частной собственности, но уже *норм капитала*.

7. Таким образом, эффективная *теория инноваций* является всего лишь *частным случаем* общего *политико-экономического знания*, которое своей главной задачей видит разработку стратегии и прочих атрибутов развития. Последнее же в научно-теоретическом виде не только не воспроизводится в республике, но и не производится, не генерируется. Организационно также не существует соответствующей научной структуры, независимой, не конъюнктурной и ориентированной на долгосрочную исследовательскую перспективу и имеющую тесную связь с официальными политическими институтами. Последние существуют «по собственному здравому смыслу» и «по своему политическому чутью». Оно, это чутье понимает свой интерес, но потеряло чутье державного интереса. Но обращение к истории показывает, ни одна страна не может добиться устойчивого успеха в социально-экономическом развитии без востребованности в явном или имплицитном виде разработок *теоретической экономики или политэкономии на ее новом витке развития и использования*. Эта инновация или, иначе говоря, уровень развития и использования политико-экономических разработок имеет прямую корреляцию с уровнем благосостояния и социально-экономического развития страны в целом.

Одновременно обнаруживается прямая и обратная связь *между уровнем развития экономической науки и, естественно, уровнем развития экономики*, который проявляется в том числе и в структуре экспорта. По данным Доклада о мировом развитии за 2003 г. в 2000 г. экспорт высоких технологий составил в целом 34% от экспорта промышленных товаров, а в Германии – 18, в Швеции – 22, в Великобритании – 32, в Японии – 28, во Франции – 24, в Китае – 19, в Малайзии – 59, в Венгрии – 26, в *Беларуси* – 4, в Литве – 4, в Казахстане – 10, в Эстонии – 30, в России – 14% [8].

8. Только в воспроизводственном подходе *целостно* обнаруживаются не только обмен, но, и, как известно, другие хозяйственные фазы – производство, распределение и потребление, а также динамизм, развитие (не только рост) социальных компонентов экономики (отношения, нормы, интересы, связи и их формы), закономерности изменений технико-технологических основ, эволюция видов богатства, накопление социального капитала. Ведь первобытный человек тоже иногда интуитивно занимался новаторством. Поэтому чтобы не уподобляться ему, важно заниматься поиском тех нововведений, которые обеспечивают перспективу *эволюции человека* и раскрытия потенциальных способностей последнего.

9. Исследование условий и причин экономического развития, роста, спада или деградации в различные периоды должно охватывать как воздействия внешней среды, так и внутренних изменений системы стимулов, нравственных ценностей в обществе, в самом институте государства, при котором решения о правах собственности и других институциях исходили из центра и могли быть изменены по прихоти императора, государя. Централизованная система принятия решений может благоприятствовать экономическому развитию, когда в интересах правителя находится создание условий, стимулирующих рост, развитие и удовлетворение его прихотей или интересов. Но он должен это знать или чувствовать, равно как и то, что есть общественный интерес и возможности общественного контроля. Когда же правитель или правители по причине финансовых проблем или по каким-то другим идеологическим убеждениям проводит политику, способствующую *деградации нравственных норм и правил, стимулов* в обществе, это приводит к стагнации

экономики, к деградации страны в целом. История изобилует фактами на сей счет. И процентная политика, которую проводят финансовые системы разных стран для преодоления мирового экономического кризиса, очень наглядно показывает степень понимания сложившихся противоречий между *глобокапиталом* и мировым сообществом в целом, между каждым видом капиталов и внутренними интересами держав.

10. Из всего многообразия институтов *экономический образ мышления и поведения* основной массы населения (класса, социальной группы, политиков) в стране является самым фундаментальным институтом. Процесс глобализации изменил приоритет этих факторов. Международные факторы из производных стали *доминирующими* и самыми влиятельными рамками развития и роста национальных экономик. Возник *метарынок* как совершенно новое структурное образование международных институтов. Это жестко централизованное объединение, в котором национальные экономики в лучшем случае могут представлять себя «элементарными частицами» с утвержденными (!) им функциями. Изменилось и воспроизводство в мир-экономике. В силу сложившегося разделения труда и капиталов на «севере» работает рынок ценных бумаг, где «делают» деньги непосредственно из денег. Западные агенты в силу своей специализации предпочитают пока использовать рынки физических капиталов и труда. Восточные же отдают предпочтения рынкам товаров, а южные сориентированы на непосредственное производство серийных потребительских благ. «Центр» *производит политику и технологии (знания)*, определяя нормы, правила, принципы распределения и потоки обмена (метарынок) данными продуктами. Но эта кооперация на мировом метарынке предполагает активный диалог и знание международных политико-экономических тенденций с учетом лидирующих интересов финансово-политической элиты. А поскольку это специфические продукты, где качество определяется «экспертами-политиками», которые руководствуются далеко не рыночными критериями, а соображениями интересов своих стран и мировой элиты, то частично именно этим объясняется низкая доля экспорта технологий наших стран. Иначе говоря, кроме производства самих технологий какой-то страной важен фактор ее оценки и включения в мировую *политико-экономическую матрицу* с учетом многих составляющих. Получение недавно нашей республикой кредитного рейтинга означает уже некоторые изменения политико-экономических оценок ее поведения, результатов хозяйствования на этом специфическом, но очень мало изученном рынке технологий. Бедность самих разработчиков и стран, где они проживают, позволяют весьма умело с выгодой для более богатых стран патентовать новые идеи и технологии. Но сам факт рейтинговой оценки представляет итог нового конкурентного существования, что дает ориентир и старт к развитию собственно развивающихся экономик.

Список использованных источников

1. Баумоль У. Чего не знал А. Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию // Вопросы экономики, 2001, № 2.
2. Стиглиц Дж. Информация и изменение парадигмы экономической теории // Эковест, 2003, вып. 3, № 3.
3. Лемещенко П.С. Теоретическая экономика: структура, классические традиции, новые тенденции – Минск: БГУ, 2001. – 299 с.
4. Кругман П. Великая ложь. – М., 2004.